

АННА ДАНИЛОВА

DA

УМРИ, БОГЕМА!

Психологический детектив

Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой

Анна Данилова

Умри, богема!

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Данилова А. В.

Умри, богема! / А. В. Данилова — «Эксмо», 2020 — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой)

ISBN 978-5-04-112583-7

Для одинокой Лары труппа родного театра – единственная семья. Но в семье, как говорится, не без уroda, и вот уже самая настоящая трагедия разыгрывается не на сцене, а за кулисами. Актрисам кто-то подливает смертельный яд, супругу режиссера выбрасывают из окна, прима получает удар ножом – и всякий раз где-то рядом находится сама Лара. Может, охотятся именно за ней? Но кто и почему? Возможно, разгадку подскажет письмо французского нотариуса, сообщающего об оставленном Ларе наследстве...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112583-7

© Данилова А. В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

1	6
2	13
3	16
4	21
5	27
6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Анна Данилова

Умри, богема!

© Текст. А. Дубчак, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

1

Точно не могу сказать, когда я решила записывать все то, что происходит со мной и вокруг меня, возможно, когда мы вернулись с кладбища, и я вдруг ощутила, как страшно жить на этом свете и как много зла вокруг. И зло это – неузнаваемо, как человек с ножом за спиной, готовый всадить его в тебя без всяких объяснений. Нам всегда кажется, что все страшные вещи обойдут нас стороной. Так уж устроен человек. Всегда надеется на лучшее. Иначе жить-то как? Постоянно оглядываясь и думая о том, кому ты мог помешать жить? Кто боится тебя? Кому ты сделал что-то такое, непоправимое, за что ты должен быть наказан? Хотя иногда люди убивают друг друга из-за пустяков, из ревности или зависти, к примеру. Когда можно как-то пережить все это, переболеть, но человек на эмоциях берет в руки пузырек с ядом... Брр... Теперь, когда слышу слово «яд» или думаю об этом, всегда представляю себе мою подругу, корчащуюся на полу в кровавой пене... Или когда произносят слово «гримерка», возникает та же самая ужасная, страшная картина!

Мы все догадались, что ее убили из ревности, но, наверное, никто толком не смог понять глубину чувств убийцы. Ну да, ревность, и что? Все друг друга ревнуют, страдают, но все равно – эта боль не смертельная. Так подумали, полагаю, все, кто либо пережил похожие чувства и успел от них оправиться, либо не ревновал вовсе. И я тоже сначала решила, что убийца просто не справился со своим страданием, отравил Галю, находясь в невменяемом состоянии. Я даже успела презирать того, кто это сделал. Может, ее бывший муж или любовник, имени которого никто из ее окружения не знал (хотя скрыть любовную связь в стенах театра, на мой взгляд, просто невозможно). И только позже, буквально через пару дней после похорон, со мной случилось то, что случилось и с убийцей, – я сама заболела ревностью.

Мой гражданский муж, Игорь, с которым мы прожили вместе последние два года, не выдержал моей «скупости» и «прижимистости» (это его слова, кстати говоря) и предложил мне «свободные отношения». Пишу в кавычках, потому что для меня эта фраза означает просто необузданный, неконтролируемый самим человеком блуд. Я не ханжа, у меня были любовники, но если уж я встречаюсь с одним мужчиной, то с другим постель делить не стану. К тому же мы с Игорем на самом деле жили вместе, правда, в моей квартире.

Я не актриса, я вообще нигде не работаю и живу на средства, оставленные мне моим покойным мужем, но это не означает, что я должна тратить эти средства на мужчину, который полагает, что и он тоже может не работать и сидеть на моей шее. Поэтому я всего лишь предоставила Игорю крышу над головой и кормила его. Все. Я не покупала ему одежду, не водила его в ресторан. Я хотела дать ему самому возможность как-то устроиться в этой жизни, обрести себя. Однако он не понял меня и, вместо того чтобы сказать мне прямо, мол, Лара, я ухожу от тебя, потому что нашел другую женщину, которая не станет держать меня в черном теле и купит мне наконец машину, придумал эти «свободные отношения». Он не так глуп, подумалось мне тогда, когда он сообщил мне об этом своем решении. Под свободными отношениями (или свободной любовью) он понимал возможность встречаться с разными женщинами, оставляя для себя право в случае неудачи вернуться ко мне – в мою квартиру, чтобы согреться и хотя бы просто поесть.

Все, что я сейчас написала, звучит как-то не очень эмоционально, ну, ушел от меня мужчина, которого я не любила, но к которому привязалась, подумаешь. Но на самом деле, когда за Игорем закрылась дверь и я услышала, как он с двумя чемоданами спускается на лифте вниз, где уже ждет такси, чтобы отвезти его к другой женщине, мое сердце чуть не разорвалось. Я стояла в прихожей и не могла пошевелиться! Мне не хватало воздуха. Мне было очень плохо. Я моментально постарела. Я и без того не юная девушка, мне уже целых тридцать два года. И хотя выгляжу молодо, я-то знаю, что мне не двадцать. Так вот, когда я поняла, что меня

попросту бросили, я мысленно покрылась морщинами и поседела. Мне вообще часто снится, что я старею. Причем я вижу эти перемены – увядающую прямо на глазах кожу, становящуюся сухой и покрывающуюся морщинками, седеющие волосы... Это страшные сны.

К кому мог уйти мой Игорь? Либо к богатой старухе, которая завалит его подарками и купит ему машину, либо к молодой девчонке, родители которой переводят ей на банковские карты сотни тысяч рублей. Вряд ли он променял меня на женщину скромного достатка или без собственного жилья. Так вот. О ревности и сильных чувствах. Когда я только представила себе его рядом с другой женщиной, то мне реально захотелось причинить им обоим вред. Я словно видела в своей руке нож. Или же мысленно подливала им в вино (сама не знаю почему, но воображение мое рисовало хрустальные высокие бокалы с красным вином) яд.

Да, я, нормальная женщина, вполне себе адекватная, хотела их убить. Лишить жизни. Меня трясло при мысли, что Игорь променял меня на кого-то другого. Ведь его уход мог означать только одно – он никогда не любил меня. Да, понимаю, я не самая красивая женщина, может, и не очень интересная, да и характер у меня, прямо скажем, не сахар. И мужчина может с легкостью променять меня на другую, более красивую и приятную. Но зачем же тогда было мне лгать, говорить о любви? Получается, что я, как и миллионы обманутых женщин, попала на ложь, как дурочка? Выходит, я поверила Игорю, когда он сказал, что по-настоящему любит меня и даже хочет от меня ребенка! Вот просто ушами поверила и впустила эту ложь в сердце. Что хотела услышать, то и услышала. Вернее, мужчина, знающий, что я хочу услышать, произнес это вслух, как это делают мужчины по всему миру. Получается, что я действительно дура! Вот этого я не могла ему простить. Того, что он принял меня за идиотку, развесившую уши.

Получается, если Галю убили из-за ревности, значит, тот, кто это сделал, страдал невыносимо от схожих чувств – не мог вынести, что его бросили, предали, решили, что с ним можно поступить вот так гнусно.

Коньяк в гримерку принесла я. Это было поздно вечером, после спектакля. Я тогда весь день маялась, потому что Игорь впервые не пришел домой ночевать. Трубку не брал, отправил мне эсэмэску, что, мол, переночует у друга. Такое случилось впервые, и я не знала, как к этому отнестись, как это пережить. Поэтому еще задолго до спектакля позвонила своей подружке – актрисе Марине Тряпкиной (она несколько раз собиралась поменять фамилию, но наш главреж всякий раз отговаривал ее от этого, уверяя, что фамилия хоть и не очень-то красивая, зато запоминающаяся). Я сказала Марине, что хочу выпить. Всегда, когда я это говорила, она произносила только одно слово – приходи. Это означало, что я могу завалиться к ней в гримерку после спектакля, где мы с ней вдвоем или в компании других наших подружек разопьем бутылочку-другую.

Я тоже когда-то служила в этом театре актрисой. Играла только второстепенные роли, хотя все считали меня талантливой. Снялась в парочке сериалов, где играла некрасивых стерв-разлучниц. Вот правда говорят, что стоит один раз сыграть стерву, причем сыграть хорошо, как тебя потом даже на кастингах будут воспринимать исключительно как стерву. С одной стороны, по большому счету, так сказать, это плохо. Все-таки хорошо, когда в тебе видят актрису разноплановых ролей. Но зато я почти три года снималась в этих двух проектах и заработала хорошие деньги. Конечно, если бы я в свое время не вышла замуж за моего Ванечку (пусть ему будет земля пухом) и считала бы копейки, как многие наши актрисы, то участие в сериалах сделало бы меня на какое-то время счастливой, избавило бы от многих проблем. Но так уж сложилось, что я, придя в театр совсем юной, но уже замужней и богатой девушкой, сразу же как-то настроила всех особ женского пола против себя. Да-да, некоторым завидуют из-за их красоты, а мне – из-за мужа и денег. Думаю, все в театре успокоились, когда мне стали поручать роли самых некрасивых и даже уродливых персонажей. Причем, чтобы играть некоторые подобные невыигрышные роли, мне не особенно-то и требовался сложный грим – говорю же, я не красавица. Одни торчащие уши чего стоят! Хотя, если уложить правильно волосы, при-

крыв уши, припудриться-подкраситься как следует, одеться, то в меня и влюбиться можно, так всегда говорил мой Ванечка, моя любовь, балагур, весельчак, которого мне так не хватает!

Так вот, может, участие в сериалах и не сделало меня финансово благополучной, зато я примелькалась на экране, что было тоже приятно. Меня стали узнавать на улице, брать автограф. Может, я и дальше продолжала бы сниматься, тем более что приглашения поступали, хотя я и перестала ходить на кастинги, если бы не внезапная смерть Ванечки. Его предала печень. Кажется, она разложилась внутри него, человека непьющего, задолго до его смерти... И вот на какое-то время все потеряло смысл. Я не могла выйти на сцену, чтобы проигрывать другие жизни. Мне надо было как-то справиться со своей. Сначала я решила просто взять паузу в театре, чтобы прийти в себя и решить, как мне дальше жить. Потом стала готовить себя к тому, чтобы взять сиротку из детского дома – детей я Ванечке так и не подарила. Но когда я поняла, что пока не готова к этому, что просто не знаю, как воспитывать ребенка, словом, когда я по-настоящему испугалась ответственности за другую жизнь, тогда и познакомилась с Игорем. Влюбилась, ушла из театра и попыталась просто жить. Все дела строительных фирм, которыми владел мой муж, я поручила вести его заместителю. Мои интересы защищала команда опытных юристов. Словом, в этом плане я чувствовала себя более или менее защищенной, деньги текли на мои счета, я была спокойна. Но вот с личной жизнью, как мне тогда казалось, возникли проблемы – я постоянно сравнивала Игоря с Ваней. И Ваня, которого уже не было, всегда оказывался на тысячу пунктов выше Игоря. Ваня был большим умницей, и это сказывалось не только на его бизнесе и умении вести дела, но и просто в жизни. Казалось, он все понимал, и вообще, с ним было легко и просто. Кроме того, он не был эгоистом или лентяем. А вот Игорь был бездельником, шалопаем и вообще глуповатым, недалеким человеком, о чем я ему, причем не всегда тактично, частенько говорила. Говорю же, характер у меня сложный. Ну не могу я сдержаться, когда хочется выдать человеку прямо в лоб всю правду. Может, от этой самой правды он и сбежал от меня?

Словом, после бессонной ночи, когда он так и не приехал домой, я позвонила Марине, разбудив ее, и сказала, что хочу заглянуть к ней вечером.

– Приезжай! – пробормотала она сонным голосом.

Она знала, что моему приезду обрадуются все наши, кому после спектакля не к кому идти, кого дома не ждут. Наши посиделки в гримерке – это как праздники. И пусть не совсем радостные, потому что зачастую заканчиваются пьяными слезами. Зато наши девушки знают, что у меня во время таких вот вечеринок можно занять денег до зарплаты, да к тому же еще выпить хорошего коньяку, не говоря уже о закуске.

Конечно, я целый день ждала, когда же объявится Игорь. Я уже представляла себе, как буду дуться на него до вечера, а потом, нарядившись, отправлюсь в театр, мол, теперь моя очередь погулять. И Игорь действительно пришел, да только за вещами. Практически с порога он сказал, что нам надо перейти на другой уровень общения (и где только подцепил эту фразу, болезный?), что хотел бы, чтобы между нами установились свободные отношения, и все такое. Мысленно я уже убила всех его потенциальных любовниц, реально же купила коньяк, икру и шоколад и мчалась по заснеженной Москве в театр «Лероле»... le rôle значит «роль», театр называли так, на французский манер, по прихоти нашего бывшего директора и основателя, Олега Смирнова, перекочевавшего впоследствии с основным составом труппы во Францию...

Говорю же, я тогда просто оцепенела. Вдруг почувствовала, что моя жизнь рушится. Моя и без того сложная и какая-то пустая жизнь окончательно уходит из-под ног. Я дождалась, когда утихнет шум удаляющегося лифта, глубоко вздохнула и поплелась в спальню – приводить себя в порядок. Но что можно сделать с припухшими от слез веками, с мокрыми губами, по которым продолжали стекать слезы? Из зеркала на меня смотрела настоящая уродина с оттопыренными ушами, заплаканным некрасивым лицом и жалобно приподнятыми «домиком» выщипанными бровями. Жалкая брошенка! Невеселая вдова! Вот интересно, если Ванечка видит меня такой

(а мне постоянно казалось, что он где-то рядом, следит за мной, переживает), что бы он мог мне сказать? Думаю: «Плюнь и забудь. Выпей кофейку и посмотри комедию». Вот такой был мой Ванечка.

Я так и сделала. Нашла уморительные комедии с участием Паоло Вилладжо, как-то продержалась вместе с ним до вечера, потом собралась и поехала в театр. По дороге купила выпивки, закуски. Вечер должен был закончиться весело, пусть даже и со слезами моих подружек. Хороший алкоголь – он все равно расслабляет, добавляет теплых красок в жизни. Проблемы кажутся не такими серьезными, над ними в какой-то момент можно даже посмеяться!

Спектакль еще шел, когда я поднялась в гримерку Марины, которую она делила с Галей Горной. Немного прибралась, вытерла пудру со столика Гали, выдвинула из-за ширмы сервировочный столик, который, кстати, специально покупала еще сто лет тому назад для таких вот случаев, накрыла его, расставила красивые тарелочки с нарезкой, фруктами. Выложила в маленькую хрустальную вазочку икру. Приготовив все к маленькому банкету, уселась перед зеркалом и вот теперь своим отражением была довольна. Глаза блестели, губы (от жирной помады) тоже, на скулах горел, правда, какой-то болезненный румянец. Возможно, у меня в тот момент поднялась температура. На мне было красное облегающее кашемировое платье и красные замшевые сапожки. Мне бы еще белого песка на шею, усы приклеить да белую шапочку надеть, сошла бы за Деда Мороза.

Театр зашумел, засуетился, я услышала этот характерный гул и поняла, что спектакль закончился. В коридоре затопали, захлопали дверями гримерок. Вот наконец распахнулась и наша дверь, я увидела розовое от грима и мокрое от пота лицо Марины Тряпкиной. Отличный дорогой парик с локонами восемнадцатого века был куплен, кстати говоря, на мои деньги. У остальных актрис парики были так себе, сваленные и грязноватые.

Марина бросилась меня обнимать. Я с ходу объявила ей о своем разрыве с Игорем. Она, рухнув в кресло и обмахиваясь пышным, с настоящими страусовыми перьями, веером, замотала головой. Слово «альфонс» применительно к Игорю прозвучало из ее уст, наверное, миллион раз.

Я помогла ей раздеться, она быстро освежилась в маленьком тазике за ширмой, переоделась в привычные джинсы и свитер, и мы накатили по первой.

Затем заглянули еще две девочки, потом еще кто-то (разве всех помнишь?), сказали, что торопятся куда-то, тоже выпили, пощипали виноград и убежали.

Галя Горная появилась минут на десять позже Марины, тоже переоделась, сказала, что хочет пить, открыла маленький холодильник и взяла прямо оттуда початую бутылочку фанты (хотя там стояло еще две, неоткрытые, я сама лично поставила их туда!), сделала несколько больших глотков, отдышалась и села за наш стол. Мы, последовав ее примеру, тоже взяли себе по бутылочке. Я вообще люблю фанту. Потом, когда уже приехал следователь и эксперты, на столе стояли три почти пустые бутылочки с остатками оранжевой жидкости, и поди разберись, в какой бутылке был яд!

Галя схватила бутерброд с маслом, собиралась намазать его икрой, как вдруг ее взгляд словно остановился, она схватилась за горло, грудь, захрипела... Я подумала еще тогда – «как в кино». Даже осознать не успела, что это реальная жизнь и что на полу, на вытертом ковре корчится, выпуская изо рта кровавую пену, наша Галочка, наша красавица... Она умерла прямо там, в своей гримерке. И яд был, как потом выяснилось, не в коньяке, что принесла я, а в бутылке фанты. И на бутылке этой были отпечатки пальцев Марины (что, естественно, она и не отрицала, что делала пару глотков сутки назад, перед спектаклем) и Гали Горной. На столе стояли, повторю, три оранжевые бутылочки по триста граммов. И любая из нас могла взять и допить отравленную фанту. Но взяла Галя. Поэтому определить или просто догадаться, кого же из нас хотели отравить, было просто невозможно. Хотя меня-то следователь сразу исключил. Я же пришла неожиданно. Мой визит был непредсказуем! Поэтому отравитель не мог

предугадать, что это именно я возьму бутылку и выпью фанту. К тому же отравитель наверняка наш, из театра, а уж он-то точно знал, кто может воспользоваться напитком – Марина или Галя. Но Марина-то точно никому дорогу не перешла – мы лихорадочно пытались вспомнить, кто и за что мог возненавидеть ее настолько, чтобы пожелать ей смерти! Остается Галя. Она красавица, за ней ухлестывают многие мужчины, ее просто заваливают цветами. Вот и на этот раз в гримерке стояла огромная корзина с красными розами от какого-то поклонника (правда, записки там не нашлось, а то можно было бы узнать хотя бы имя воздыхателя). Если, к примеру, Галя ответила на чувства какого-нибудь женатого мужчины, то ей, вполне возможно, могли пожелать смерти.

Не хочу рассказывать, как нам всем трепали нервы, даже тем девушкам, которые заглядывали к нам на огонек, чтобы угоститься несколькими виноградинами. Уголовное дело было заведено, нас постоянно таскали на беседы в следственный комитет, но никто так никогда и не узнает, решили мы с Мариной, кто и, главное, за что отравил бедную Галю.

Конечно, плохо так думать, но история с отравлением актрисы Горной на время затмила своими траурными красками историю моего расставания с Игорем. Надо сказать, что он мне время от времени звонил, но, думаю, просто из вежливости и, так сказать, на будущее – а вдруг ему в силу каких-то жизненных обстоятельств все же придется ко мне вернуться. Когда я думала об этом, мне становилось как-то уж особенно плохо. Не хотелось думать, что меня держат как запасной вариант. Чтобы не на морозе, не с голоду...

Нанимать частного детектива, чтобы проследили за Игорем, я не стала – если бы узнала какие-нибудь подробности о том, на кого меня променяли, то вряд ли это подняло мне настроение. Если молоденькая красотка – тогда мне пришлось бы застрелиться с досады. Если богатая старуха – вообще повесилась бы с тоски. «Флай, Игорь, флай». Вот примерно в таком ключе я думала о бывшем, когда натыкалась в квартире на какие-то его забытые вещи или же случайно откуда-то приносило облако потускневшего аромата его одеколona. Я выстирала и сложила в пакет все постельное белье, которое могло бы мне напоминать о моем гражданском муже, – отнесла все в церковь, чтобы раздали бедным. Купила новое белье. Постелила и, типа, начала новую жизнь.

Мысль о том, чтобы завести ребенка, взять малышку из приюта, снова вернулась ко мне, но в каком-то блеклом, болезненном виде. Нет-нет, я не готова. Я действительно не представляла себе, что делать с маленьким ребенком – чем кормить, как пеленать. А вдруг он заболит? Да еще и по моей вине? А что, если я его случайно уроню? Я же часто засыпаю перед телевизором. Вот присяду с ребенком на руках на диван, засну и выроню малыша, и что тогда? Он же хрупкий, словно из тонкого стекла, как рюмка... Разобьется, и меня посадят! А я всю оставшуюся жизнь буду корить себя за его смерть. Нет-нет... Нет!

Как-то вечером ко мне забежала Марина. Настроение у нее было отличное. Про Галю мы уже старались не говорить – просто не знали, что думать об отравителе. На Марине была новая белая шубка.

Марина моя – рыженькая, похожая на белочку с длинными белыми зубками, молоденькая женщина. Ей шел тридцать второй год, мы с ней были почти ровесницами. Замужем она никогда не была, очень любила театр, пропадала там почти все время, не забывая между тем заниматься самообразованием. Она очень много читала. В основном ее интересовали пьесы. Конечно, она, как и любая актриса среднего звена, мечтала найти мецената, который купил бы ей театр, где она играла бы все главные роли. Нет, ей и сейчас поручали хорошие роли, но все знали, что это явление временное: после ухода основного состава труппы, которую увез с собой в Париж Олег Смирнов, еще не нашли замену нашей приме Вере Розановой. И когда в коридоре появлялась какая-нибудь новая актриса из другого театра, направляющаяся в сторону кабинета главрежа или директора, все провожали ее долгим и любопытным взглядом –

а не эта ли актриса разворошит уже завтра притихший и присмиривший на время наш театральный мирок?

Но время шло, пока что ничего не менялось. Главные роли в театре играли красавица Галя Горная (пока не погибла) да талантливая, но со средними внешними данными, Марина Тряпкина.

Шубка у Марины была дорогая, но скопить на нее из тех скромных сумм, которые я время от времени подбрасывала подружке, было невозможно. Значит, это подарок, решила я. Щедрый.

– Кто он? – спросила я, помогая Марине раздеться и с нежностью, как ребенка, относя шубку, пахнущую духами, к себе в спальню на кровать. У меня рука не поднялась вешать ее прямо в шкаф. Слишком уж белая, нежная.

– Да ты его не знаешь... Поклонник один, – густо краснея, сказала Марина.

Она пришла с мороза румяная, свежая. Сняла белый меховой берет, и золотые локоны рассыпались по плечам.

– Хорошо выглядишь, – улыбнулась я, радуясь искренне за подругу. Хороший щедрый любовник – замечательно! Задавать вопросы после того, как не был получен конкретный ответ на прямой вопрос, я уже не стала. Захочет, сама расскажет, решила я.

– Нет, ну правда, ты его не знаешь. Так, человек из толпы, из зрительного зала. Лицо знакомое, но вспомнить, где его видела, – не могу. Может, в телевизоре.

– Депутат, наверное. Или бизнесмен. Тебе чаю? Суп будешь?

– Лара, ну какой суп, когда у меня все внутри дрожит от волнения... Мы с ним только что в ресторане были, обедали. Часа три обедали, разговаривали. Он не так молод, но выглядит очень хорошо. Богат, воспитан. Театрал. Всех в нашем театре знает, лично был знаком со Смирновым, жалеет, что тот уехал. Я так поняла, что Володя этот...

– Так у него и имя есть? – расхохоталась я.

– Ну да, проговорила... Володя этот, я так поняла, часто за границей бывает, у него дела там.

– Влюблен в тебя?

– Нет, не думаю. Но я нравлюсь ему, это точно.

– Женат?

– Я не спрашивала. Понимаешь, как-то неловко было. Мы же взрослые люди. Если бы он сказал, что женат, и что дальше? Фыркнуть, что, мол, с женатыми не желаю встречаться, и уйти? Но тогда не было бы свидания, цветов, духов, вот этой шубки... Ты считаешь, что я... проститутка?

– Марина, ты – прелесть! Он делает тебе подарки потому, что ему это доставляет удовольствие, вот и все.

– Хочется на это надеяться... В конце концов, у нас в театре есть совсем молоденькие актрисы, красивые... Но он-то написал записку именно мне, на свидание пригласил меня, провел почти весь день в гостинице – со мной!

Вопросов, касающихся интимных дел, я не задавала, хотя их всегда было много. Не развратник ли этот мужик? Как он отнесся к Марине? Не был ли груб? Не извращенец ли? Уж не знаю почему, но мне всегда было как-то жаль женщин, которым в силу каких-то жизненных обстоятельств приходилось спать с неприятными им мужчинами. Я же не в лесу живу, много разных историй наслушалась. Особенно меня бесило, когда женщина ложилась в постель к начальнику, от которого зависела финансово. Но Марина? Нет, это, к счастью, не тот случай. Она выглядела счастливой и здоровой.

– Лара, какая Москва красивая! Скоро католическое Рождество, до Нового года еще далеко, но ты видела, как все переливается, какие украшения на улицах?! Просто сказка! Как же нам повезло, что мы с тобой здесь живем!

И вдруг она вспомнила, зачем пришла.

– Лара, нас же с тобой позвали на день рождения нашего художника, Дениса Кравченко! Через два часа собираемся у него в мастерской, ты знаешь – внизу, под сценой!

– Марина! Нет-нет... Я не готова. Это же собираться надо, настраиваться. А я сегодня что-то ленюсь. Так не хочется никуда выходить.

– Но почему? Сейчас, когда Игоря здесь нет и ты свободна, тебе, наоборот, надо развлечься, расслабиться!

– Хватит уже, расслабились... – усмехнулась я, вспоминая нашу «черную» вечеринку в гримерке. – Нет-нет, я не пойду. Да и тебе тоже не советую.

– Скажи честно – ты ждешь Игоря? Все надеешься, что он вернется?

Когда она произнесла это, мне показалось, что от нее, от теплой и живой женщины, повеяло холодом. Вот сразу же она стала мне чужой. Как так можно? Зачем она мне это сказала? Разве не понимала, что причиняет мне боль? Нет, в ее тоне не было презрения или издевки, скорее добрый такой женский упрек, мол, забудь его, недостойного, и не жди! Не унижайся! Но мне почему-то все равно было больно. Да, боль, вот что я почувствовала при одном упоминании имени Игоря.

– Иди развлекайся, а я останусь, – теперь уже я решила заморозить ее своим тоном.

– Ты обиделась? Лара! Ну не надо, пожалуйста! Я просто хотела...

– Я не обижаюсь. Нет, на самом деле, иди развлекайся, а мне нужно побыть одной.

– Но я уже сказала всем, что мы будем вместе!

Теперь уже мне стало неловко. Я же знаю, зачем она сказала про меня. Значит, к скудному столу художника прибавится хорошая водка, закуска. Да, это чистая правда – все они воспринимали меня как спонсора своих вечеринок! Вот только я никак не могла решить для себя, радоваться мне этому или нет. А что, если я вообще ассоциируюсь у них с большими пакетами из супермаркетов? И что им нет никакого дела до меня, до Ларисы Петровой, как человека, личности?! Вот взять нашего художника Дениса Кравченко. С какой стати ему приглашать меня к себе на день рождения? Ну кто я ему? Просто приятный в общении человек, с которым не скучно, или же он зовет меня в надежде, что я подарю ему в очередной раз масляные краски, холсты или конверт с деньгами? Но что поделать, если я уважаю творческих людей и всегда знаю, что и кому дарить? Кому и что нужно для творчества? Если они воспринимают меня как кошелек, так что ж, пусть!

– Ладно, поехали.

Моя лень осталась дома, свернувшись калачиком на моей мягкой постели, а сама я, быстро набросив на себя вязаный балахон изумрудного цвета и украсив его бусами из хризолита, подкрасила губы ярко-оранжевой, моей любимой, помадой и, накинув на плечи лисью шубейку, отправилась с Тряпкиной в театр.

2

– Ладно, ты иди, а я зайду в торговый центр и куплю что-нибудь для нашего Дениса, – сказала я Марине, когда моя машина остановилась напротив центрального входа в театр. Это было старинное, подсвеченное невидимыми лампами, двухэтажное желтое здание с высоким широким крыльцом и весело светящимися узкими оконцами по фасаду. Зрительный зал находился в современной пристройке, расположенной позади основного здания и не очень-то подходящей ему по стилю. Зато на параллельной улице он вполне вписывался в стеклянные строения современных торговых комплексов и кинотеатра.

– Хорошо, я скажу, что ты скоро подойдешь, – весело прошептала Марина и, сдвинув кокетливо набок свой белоснежный берет, побежала к ступеням. Я видела, как легко она, такая изящная и тоненькая, поднялась в своей новой шубке на крыльцо и скрылась за массивными дверями.

Хоть бы этот ее новый любовник оказался настолько в нее влюбленным, что женился на ней! Вот о чем я думала в ту минуту, отъезжая от тротуара и направляясь за подарком для художника Дениса.

Зимой вечерняя Москва мало чем отличалась от ночной – небо было черно-лиловым, а вот сам город, как и говорила Марина, переливался яркими огнями украшенных по случаю приближающихся новогодних праздников витрин, повсюду на деревьях горели бусы разноцветных ламп, огоньки мерцали и в ветвях деревьев. Даже снег под ногами искрился то розовым, то фиолетовым светом. Высокие ели разбухли и побелели от набившегося в ветви снега. Город выглядел чистым и нарядным.

Может, и правда, ну его, этого Игоря? Ведь как ни отнекивалась я от мыслей о его возможном возвращении, конечно, я его ждала. Мне хотелось думать, что там, куда он от меня ушел, ему будет хуже, сложнее. Что он, мужчина, привыкший к комфорту и удовольствиям, не сможет жить в нужде с какой-нибудь студенточкой, варящей ему сосиски в убогой кухоньке. Он привык к хорошей пище, к своему махровому белому халату, который надевает сразу после душа или ванны с ароматическими маслами. И вот как он будет чувствовать себя в грязной ржавой ванне с заплесневевшим кафелем?

Уж не знаю почему, но я считала, что пусть не ко мне, но к моей квартире, к тем удобствам, к которым он успел привыкнуть за два года нашей с ним совместной жизни, Игорь вернется. После смерти Вани я смирилась с тем, что меня уже никто и никогда не полюбит. Это Ванечка любил мое лицо, мои густые непослушные и вечно торчащие волосы цвета соломы, мой курносый нос и веснушки, мои уши, которых я всегда стеснялась и которые он считал «очаровательными и милыми». Остальные мужчины, словно не видя моего лица или вообще головы, отмечали лишь мою стройную фигуру, длинные ноги и полную грудь. Все.

Я купила художнику Денису теплый плед, настоящий, пушистый, в красно-белую клетку. В пакет сложила вино, виски и закуску. Ну и напоследок купила открытку, в кармашек которой вложила пятьсот евро. Все. Пусть порадует художник. Пусть купит те краски и кисти, которые ему действительно необходимы. Все в театре знали, что помимо того, что он оформляет сцену, создает проекты декораций, Денис пишет отличные натюрморты, которые продает на собственном сайте. А еще поговаривали, что у него роман с молоденькой актрисой Танечкой Зверевой, нежной застенчивой блондинкой, которой еще Смирнов прочил светлое артистическое будущее. Кажется, они подали заявление, собираются пожениться.

Отряхивая сапоги от снега в холле театра, я помахала рукой нашей гардеробщице Таечке и направилась к лестнице, ведущей вниз, к мастерским. Еще издали я услышала музыку и голоса. Улыбнулась, представив себе, как обрадуется Денис моему приходу. Дверь была приоткрыта, и я прибавила ходу. Ну, конечно, в мастерскую набилось довольно много народу!

Кроме актеров и актрис я увидела костюмершу Любу, рабочего сцены Сашу Матросова. Все суетились вокруг стола, накрытого прозрачной клеенкой и заставленного пластиковыми тарелками с закусками. Вино в коробках, пиво в больших пластиковых бутылках. И снова фанга. Меня аж передернуло. Марина в своей шубке сидела за столом и что-то писала на клочке бумаги. Потом я узнала, что она делилась рецептом яблочного пирога с одной из наших актрис. Денис, увидев меня, бросился встречать, принял из моих рук тяжелые пакеты. Высокий блондин в белом свитере почти до колен. Красивый, молодой, счастливый, радостный.

– Лара, привет! Спасибо, что пришла! – Он обнял меня и клюнул в щеку. – Зачем так много накупила? У нас все есть! Катя вон даже котлет нажарила! А Маша испекла пирожные. Выпьешь?

Он отнес пакеты и вернулся с пластиковым стаканчиком с вином. Протянул мне. И тотчас откуда ни возьмись появилась Соня, жена нашего граврежа Сазыкина. В ее руках был точно такой же стаканчик с вином.

– Так и знала, что увижу тебя сегодня, – сказала она, пьяненько улыбаясь.

Соня полненькая маленькая женщина, ей никак не удавалось похудеть, а потому даже муж не мог дать ей главную роль хотя бы в одном из своих спектаклей. Ее проблемы с лишним весом не обсуждал только ленивый. Все за ее спиной подшучивали над ней. Но не зло. Соню, милую и добрую молодую женщину, любили в театре все.

– Как поживаешь? – сорвалось с моего языка. Хотя могла бы сказать что-нибудь посвежее и пооригинальнее.

– Да у меня все хорошо, – улыбнулась она, смешно морща маленький аккуратный носик. Светлые кудряшки обрамляли ее красивую голову, голубые глаза смотрели с какой-то детской наивностью. В своем голубом комбинезоне и розовом свитере Соня напоминала девочку, которую по ошибке позвали на взрослый праздник, вернее на пьянку. – Конечно, это разговор надо бы вести не в такой обстановке, ну да ладно! Скажи, ты не хотела бы вернуться в театр?

От удивления я почти залпом выпила все вино, даже закашлялась.

Откуда ни возьмись в Сониной руке появилась бутылка белого вина, и мой стаканчик тотчас был наполнен до краев.

– Ты это серьезно или так просто спросила?

– Это белое? – между нами на мгновение возник Денис и буквально вырвал из рук Сони почти пустую бутылку, после чего исчез.

– Конечно, не просто так, – засмеялась Соня. – Я слышала, как Сазыкин с кем-то беседовал по телефону, говорил о тебе, что тебе бы эта роль подошла.

– Какая еще роль? Надеюсь, главная?

– Ты бы смогла сыграть девочку-подростка с трудной судьбой?

– Да я хоть шкаф могу сыграть, – сказала я вполне серьезно.

– Вот и хорошо. Просто мне поручили узнать у тебя, как ты вообще, в состоянии ли вернуться в театр? Раз ты не взяла ребенка, значит, свободна и можешь работать.

Конечно, это Марина растрепала про мое желание взять ребенка из детского дома или вообще – из роддома, если там кто откажется. Я даже готова была сделать это неофициально, заплатив кое-кому, у меня уже были наводки.

– Говорю же – готова. – Я была как никогда серьезна.

– Вот и замечательно!

К нам подошла Марина. Соня, увидев ее совсем близко, прищурила глаза, чтобы рассмотреть шубу.

– Ну, шикарно! Волшебная шуба!

Я увидела, как щеки Марины порозовели.

– А ты чего не раздеваешься? Шубу мы твою уже увидели! Роскошно! – Подмигнула ей Соня. Вот уж она точно не завидовала Марине с ее новой шубой, Сазыкин, ее супруг, не отказывал ей никогда и ни в чем. И шуб у нее было штук сто.

– Да меня что-то колотит всю... Температура, что ли... Лара, я серьезно, что-то мне нехорошо.

Соня посмотрела на нее озабоченно. Я пощупала лоб Марины – он был горячий.

В это время прозвучал выстрел. Вернее, мне так показалось. Кто-то вскрикнул.

– Господи, что там? – Все повернули голову в сторону, откуда прозвучал этот странный громкий звук.

– Бутылка разбилась... – весело крикнул Денис из толпы. Его голос прорезался сквозь громкую музыку. – Ничего страшного! Сейчас соберем стекло! Друзья, минутку внимания! Таня! Ау!!!

И вдруг кто-то сказал:

– Выключите музыку! Тихо!

Все стихло. Я, обняв едва стоящую на ногах Марину, стояла на месте, пытаюсь со своего места увидеть то, что заставило всех устремить свои взгляды на Дениса. А он в это время исчез.

– «Скорую»! Вызовите кто-нибудь «Скорую»! Тане плохо!

– Господи, у нее пена изо рта пошла...

– Отравили!

– Какой ужас!

– Денис, положи ее на диван, подними голову!

Мы с Мариной переглянулись.

3

Марина ночевала у меня. Вечер не удался – Танечку увезли на «Скорой». К счастью, напиток (пока еще неизвестный), который попал к ней в организм, она скорее не выпила, а пригубила. Иначе ее постигла бы участь Галины Горной.

– Послушай, кому понадобилось травить Танечку? – недоумевала Марина, кутаясь в плед на моем диване. Она и сама-то выглядела не лучшим образом, приняла аспирин, и мы ждали, когда спадет температура.

– Если бы я точно знала, что хотели отравить именно Таню, то подумала бы прежде всего на Василису.

Василиса Кронина – это наша бывшая прима. Когда Танечка корчилась на полу в мастерской художника, Васька, как мы ее называли, уже выучив французский, выступала на какой-то парижской сцене, а потому никак не могла быть причастна к этому отравлению. Хотя, останься она в Москве, все сразу подумали бы на нее, ведь Денис (и все об этом знали) был ее любовником долгих два года.

– Знаешь, у меня такое чувство, будто отравитель постоянно промахивается, – высказала я свое предположение, открывая холодильник и пытаюсь найти там молоко. Молока хотелось, во-первых, чтобы как-то обезвредить свой желудок, поскольку и меня начинало подташнивать, и состояние это было все-таки больше психологическим – а вдруг и я тоже выпила отравленное вино или минералку. Во-вторых, у Марины могла быть тривиальная простуда, а потому ей на ночь совсем не помешала бы кружка горячего молока с медом и маслом. Но ни молока, ни меда, ни масла у меня, как назло, в тот вечер не нашлось.

– Может, это вообще хотели отравить Дениса? Какой-нибудь художник, который позавидовал его таланту.

– Ты хочешь сказать, что все эти отравления имеют разный источник, что отравитель – не один и тот же человек? – удивилась я. – Ты серьезно? Или у тебя от температуры мозга плавятся?

– Да ведь компании разные... Одно дело – девичник в гримерке, другое – в мастерской.

– Ну не скажи, многие были и там и там... Вот мы с тобой, к примеру!

Нам не удалось развить эту тему, потому что в дверь позвонили. Было около одиннадцати вечера.

– Господи, только бы не кто-то из наших, чтобы сообщить страшное о Танечке... – Я перекрестилась, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

В глазке я увидела расплывающуюся в толще стекла физиономию нашего главного режиссера Владимира Яковлевича Сазыкина. Я снова перекрестилась. Да, он мог принести печальную весть о Танечке, но вот чтобы так, заявившись лично, практически ночью?

Я распахнула дверь.

– Привет, Володя.

Я смотрела на него, ожидая страшных слов. Но он просто стоял и молчал, глядя на меня.

– Она умерла? Ты чего молчишь и стоишь как истукан? – не выдержала я.

За моей спиной возникла закутанная в плед Марина. Думаю, она так же, как и я, замерла в ожидании трагической вести.

– Не понял... – Он замотал головой. – А... Господи, теперь понял! Она жива, слава богу, ей сделали промывание желудка, там с ней Денис, так что все в порядке.

– Заходи, раз так. – Я впустила Сазыкина в дом.

Я уже поняла, что он пришел не просто так, на рюмку чаю. Неужели он на самом деле решил позвать меня обратно в театр?

Мы расположились в гостиной. Марина вернулась на диван, я быстро накрыла на стол – коньяк, лимон, шоколад. Судя по тому, что Сазыкин ни словом не обмолвился, что разговор никакой не секретный и что моя подруга может спокойно присутствовать, он точно решил предложить мне роль.

– Что-то в нашем королевстве травят всех налево и направо, – ухмыльнулась Марина. – Тебя это встревожило?

– Как это может не тревожить? Конечно... Но искать убийцу Гали – работа следователя и полиции. Я пришел сюда по другому вопросу. Дело в том, что мы ставим новый спектакль, а денег нет. Вернее, пока нет. Один человек, наш спонсор, имя которого должно оставаться в секрете, пока еще не перевел деньги. Возможно, у него какие-то проблемы. А нам-то надо шить костюмы, платить декораторам, Денису... Кроме того, мы вообще задолжали по многим пунктам, я уж не говорю о зарплате... Словом, я понадеялся на него, а он, как я уже сказал, пока что не раскошелится. Между тем ты, Марина, знаешь, репетиции идут полным ходом.

– Так ты за деньгами пришел? – Я была разочарована. – А я думала, что ты предложишь мне роль.

– Да я могу предложить тебе не одну роль! Это вообще не вопрос! Главное, чтобы ты вернулась в театр. Ты как, Лара, смотришь на это?

– Думаю, что я вполне созрела. Мне Соня сегодня сказала... А сколько нужно денег?

– Всего-то восемь миллионов. Может, на месяц или два. Я верну. Мне бы только спектакль поставить.

Ну вот, и этот тоже видит во мне только пачку денег. Даже роль готов дать.

– А где гарантии, что ты вернешь мне эти деньги? Сумма-то немаленькая.

– Гарантии? Только мое честное слово.

– Так заложил свой загородный дом, возьми под него кредит, – посоветовала с дивана Марина. – Нашел, тоже мне, банкиршу. Вы что, думаете, что ей деньги некуда девать? Они все в деле, я правильно говорю?

– Правильно. Вот если бы мне упало на голову наследство, тогда дала бы. Вам не приходили письма от иностранных нотариусов или адвокатов, которые сообщали вам, что вы стали наследником многомиллионного состояния?

– Приходили! – засмеялась Марина, закашлявшись. – Правда, эти ушлые ребята просят тут же прислать энную сумму на расходы...

– Я понял. Не дашь, значит, – вздохнул Сазыкин. – Я, собственно, так и предполагал.

– А ты бы как сделал? Только честно? – спросила я. Деньги у меня, конечно, были. Да только слишком уж грубо меня попросили о них. Даже роль предложили. Будь я бедной, вон как Марина, вряд ли меня позвали обратно в театр. Да еще с моей внешностью.

– Хорошо. Я подумаю.

– Значит, пока ты не говоришь «нет»? Подумаешь? – оживился главреж. Он сидел перед нами такой жалкий, в расстегнутой дубленке, маленький и взъерошенный, как мокрый воробей. По лицу его катился пот. Видно было, что разговор этот дается ему с трудом.

– А что наш директор? Почему он не шевелится? – задала я вполне резонный вопрос.

– Он тоже работает в этом направлении, пытается выбить кредит.

– Ладно, я подумаю, – повторила я, явно обнадеживая его. – Однако ничего не обещаю. Мне, чтобы вынуть эти деньги, надо переговорить с моими финансистами, ну а потом – с юристами. Ты же понимаешь, все это не так-то просто.

Конечно, я лгала. На моих счетах было вполне достаточно денег, чтобы профинансировать не один такой театр.

– Как там Денис, держится? Ты разговаривал с ним?

– Да, конечно! Я же тоже был в больнице. Я вообще не понимаю, что происходит в нашем театре. И не верю, что все эти отравления могут быть связаны именно с театром. У каждого

из нас есть своя личная жизнь, свои секреты, свои истории... Но подождем, что скажут следователи.

Он как-то быстро ушел. Должно быть, побоялся, что скажет лишнего и я передумаю давать ему деньги.

Я вышла проводить его в куртке, спустилась с ним, чтобы после добежать до супермаркета и купить продукты.

Усаживаясь в свой «Гелендваген», он помахал мне рукой и, ловко развернувшись на парковке, выехал со двора.

Я прохаживалась по пустынному в этот поздний час магазину в дурном настроении. Не хотелось, чтобы меня держали за полную дуру. Сначала Соня подошла ко мне на вечеринке и сообщила, что меня хотят видеть в театре, потом сам Сазыкин притащился ко мне домой (чего раньше никогда не было!), чтобы попросить у меня денег. Целых восемь миллионов! Я уж не говорю о тех мошенниках, которые буквально завалили меня электронными письмами, в одном из которых говорилось о свалившемся на мою глупую голову наследстве во Франции.

...В корзину были сложены пакеты с молоком, банка меда, две пачки масла и упаковка бумажных полотенец – специально для возможного насморка Марины.

О чем я думала, когда угодила под колеса автомобиля? Как вернусь домой, открою ноутбук и напишу мерзавцу-мошеннику, называющего себя нотариусом какого-то там Misha Petroff, все, что я о нем думаю. На какое-то мгновение передо мной всплыло все письмо целиком, а потом перед глазами промелькнуло какое-то туманное видение – сцена, а на ней совершает головокружительный долгий прыжок стройный мускулистый мужчина в белом трико и с голым торсом, и на эту картинку тотчас наслочилась полупрозрачная цветная афиша с крупными буквами, напечатанным поверх фотографии красавца с развевающимися волосами – Evgeny Petroff. Талантливый танцовщик, любимец женщин (не гей!), великий труженик, птица свободного полета... Он же, со слов моей матери, предатель, мерзавец... Евгений Петров – так звали моего отца, бросившего нас с мамой еще до моего рождения и эмигрировавшего во Францию.

Я представила себе белозубого, с шоколадной кожей и ослепительной улыбкой, африканца-бездельника, сидящего с банкой ледяного пива в одной руке за ноутбуком и щелкающего пальцами другой руки по клавишам в поисках истории моей семьи, чтобы потом вылить на меня ушат лжи и громких обещаний. Всем известно, что эти ребята заточены на тему развода русских глупых баб на деньги. Это они выдают себя за американских генералов, настоящих красавцев, знакомятся с нашими добрейшими русскими женщинами, чтобы вытянуть из них, доверчивых и желающих большой и чистой любви, побольше денег.

...Я открыла глаза и увидела огромные черные глаза незнакомого мне мужчины. Нет, я не бросалась под колеса, не перебежала дорогу, я просто поскользнулась и как-то неловко съехала с тротуара на проезжую часть, куда как раз заворачивал, чтобы припарковаться, джип. Слава богу, его колесо остановилось в нескольких сантиметрах от моей ноги. Я мягко приземлилась, лишь подвернула ногу.

Мужчина, выбежавший из джипа, помог мне подняться.

– Господи, как же я перепугался!

– Да ничего страшного... – Я оперлась на его руку и пробовала наступить на травмированную ногу. Было больно.

– Быть может, я отвезу вас в травмпункт? – Он поднял с земли выпачканный в грязной снежной каше пакет с продуктами.

– Вы полагаете?

– У вас что-нибудь болит?

– Нога. Наступить больно.

Уж не знаю почему, но, вместо того чтобы злиться на водителя, я считала виновной в том, что произошло, себя. Ведь это же я зазевалась, вовремя не посмотрела под ноги, чтобы выбрать нескользкий участок тротуара.

– Давайте я помогу вам. – Он усадил меня в машину. А я и не сопротивлялась! Хотя чувствовала, что самое страшное, что могло произойти с моей ногой, – это простое растяжение связок.

Мужчине на вид было лет тридцать пять, не больше. Приятной наружности, ухоженный, розовощекий (думаю, он так покраснелся от волнения), в меховой куртке. Волосы темные, с легкой проседью на висках. Наверняка семейный, с кучей детей. Да уж, если бы он проехался колесом по моей ноге, занервничал бы по-настоящему. Я сначала не могла понять, почему сразу как-то расположилась к нему. И только уже в машине, когда он заговорил, я поняла в чем дело. У мужчины был такой же тембр голоса, как у моего Ванечки. Хотя внешне он совершенно на него не походил.

– Сейчас скользко, надо осторожнее ходить. Особенно на каблуках, – сказал он, выкручивая руль, чтобы выехать на дорогу.

Я пожалала плечами. Тоже мне, открыл Америку.

– Я думаю, что у меня ничего страшного... Но снимок сделать все-таки нужно.

– Вот сейчас все и сделаем. Если вывих или перелом, я готов оплатить лечение, – сказал он серьезно.

В травмпункте меня приняли быстро, сделали снимок. Как я и предполагала, у меня обнаружили растяжение. Мне перебинтовали ногу, сказали, какие делать ванночки, и отпустили.

Я выползла из кабинета, страдая от того, что Лев Григорьевич, как звали моего нового знакомого, увидел меня в домашней одежде – джинсах и свитере, да еще и растрепанной. Красавица – хоть куда! Да еще и с перебинтованной ногой!

Понятное дело, он собирался отвезти меня домой. Однако в машине он вдруг предложил мне поужинать вместе с ним.

– Вы что, Лева, белены объелись? – вдруг вырвалось у меня. Перед тем как Ванечка вез меня в ресторан, я собиралась часа два! Наряжалась, укладывала волосы, красилась. А тут во всем домашнем, затрапезном, лохматая – и в ресторан?

– Нет, никакой белены я не объелся, – рассмеялся он. – Просто хочу как-то загладить свою вину.

– У меня подружка дома. Болеет. Я хотела сбегать в магазин, чтобы купить ей молока. А сама уже два часа как отсутствую. Удивляюсь, почему она до сих пор не позвонила.

– Может, спит?

Я позвонила сама Марине. Она не сразу взяла телефон. Да, Лев был прав, она действительно уснула. Я в двух словах объяснила ей, что со мной произошло.

– Ну и вечерок выдался, – вздохнула моя Марина. – Хорошо, что только растяжение. Надеюсь, что до конца этого дня в Москве не случится землетрясения или какого-нибудь урагана. Давай уже, возвращайся.

– Температура держится?

– Нет, аспирин сделал свое дело.

– Я задержусь, – зачем-то сказала я, успокоившись, что с Мариной все более-менее в порядке.

– В смысле?

– Мед забыла купить, – соврала я.

– Ну ладно... – зевнула Тряпкина. – Жду тебя.

– Так как насчет ужина?

Мы заехали в «Макдоналдс». Я решила, что мой свитер за триста баксов вполне подойдет для такого демократичного заведения. За картошкой фри поговорили о разном. О погоде

и гололеде, о мошенниках, которые прорываются на страницы в соцсетях и портят настроение гражданам, затем разговор плавно перешел на театральные подмостки. Оказалось, что Лев редко бывает в театре, считает эти походы непозволительной роскошью, потому что не так часто в его плотном графике можно найти свободный вечер. Я зачем-то рассказала ему о том, что была когда-то актрисой, о чем сразу же пожалела. Он, должно быть, сразу же представил меня в роли Бабы-яги или вообще Кощея Бессмертного. Выяснилось, что Лев (его фамилия Ефимов) деловой человек, занимается, по его словам, всем понемножку. И он не женат, потому что семья – это еще бóльшая роскошь, чем театр.

Разговаривая с ним, я просто физически чувствовала, как уши мои растут, оттопыриваясь все больше и больше, а нос тянется к потолку ресторана, становясь все курносее, не говоря уже о веснушках, которые просто горели на моем лице. Да и волосы, которые мне удалось расчесать, перед тем как выйти из машины, явно торчали в разные стороны. Во всяком случае, мне так казалось.

Мы поболтали еще о чем-то незначительном, и я, слушая этого совершенно незнакомого мне человека, ловила себя на мысли, что знаю его давно. Да, знаю, это такая расхожая фраза, так говорят все, когда хотят сказать о какой-то необыкновенной легкости в общении с незнакомым человеком. Вот так случилось и с нами. Возможно, со мной это произошло потому, что Лев разговаривал со мной голосом моего Ванечки, поэтому мне было так легко и приятно. А Лев, возможно, увидел во мне какую-нибудь близкую свою знакомую с ушами примерно такого же размера или цвета.

Разве могла я представить, что спустя час или полтора после моего разговора с Мариной по телефону, когда я наплела ей что-то про не купленный мною мед, я окажусь в незнакомой мне квартире на Остоженке, в объятиях совершенно незнакомого мне мужчины, который, целуя мои уши, назовет их «очаровательными».

4

– Лара, это так на тебя не похоже! Ну ладно Игорь. Вы с ним были почти как муж с женой. Но этот водитель! Он что, взял тебя силой?

Конечно, Марина иронизировала, подтрунивала надо мной. Но мне было все равно. Главное, что я все же привезла ей молоко и мед. Хотя и с большим опозданием. Напоила ее, накормила и поняла, что домой она как бы и не собирается. Намекнуть, что можно было и ей тоже провести ночь не в моей квартире, а у своего нового любовника, мне воспитание не позволило. Да и кто знает, какие там у них отношения. У меня-то все хотя бы ясно – переспала с водителем. Случайная связь. Аморалка. И вряд ли за мое такое «хорошее» поведение Лева подарит мне шубу или просто коробку конфет. Главное, чтобы он не понял, что я увидела в нем моего Ванечку. Чтобы подольше слышать голос покойного мужа, я, извращенка, попросила его даже рассказать мне на ночь сказку! И он, что самое удивительное, рассказал. Кажется, «День падающих с неба блинов»! Вроде бы он русский или еврей, но сказку рассказал узбекскую. Сказал, что ему его мама на ночь читала.

Вечер выдался тревожным, с происшествиями и незапланированным блудом, и утро тоже не предвещало ничего хорошего. Во-первых, погода была скверная. Ветер со снегом. Мы с Маринкой прямо слышали, как в стекла словно кто-то швыряет сухой, колкий снег. Зато в квартире было светло, тепло. Мы с подружкой ходили в пижамах, растянули завтрак до обеда. Смотрели комедии, французские мелодрамы. Над «Соседкой» Трюффо с Фанни Ардан Марина разрыдалась.

– Скажи спасибо, что мы с тобой не смотрели «Старое ружье» или «Замужество Марии Браун», – сказала я ей, отправляя в духовку курочку.

– Господи, как же у тебя здесь хорошо, уютно! Обожаю твою кухню! Все твои шкафчики, чайнички, сервизики, так много милых красивых вещей... А баночки! Просто сказочные! Вот эта, например, на которой написано «Какао»... Роскошная банка! Расписана как! Прямо кадр из фильма «Маленькие женщины»!

– Там нет какао, купила банку из-за ее красоты.

– Значит, в нее можно что-то спрятать. Денежки, например... Хотя от кого тебе прятать-то? Сама себе хозяйка...

– И не говори...

– Так ты одолжишь Сазыкину деньги? – вдруг вспомнила она.

– А ты не хочешь позвонить своему новому другу и попросить его проведать тебя? – Ушла я от темы.

Вот зачем я это сказала? Должно быть, хотела отомстить ей за то, что она одним вопросом испортила мне настроение.

Однако моя подруга восприняла мой вопрос совершенно спокойно, даже не почувствовав подвоха:

– Да зачем я ему больная? Ему нужен секс, а я кашляю, насморк еще...

– Полагаю, что одолжу все-таки Володке деньги. Хотя знаю, что он не вернет. Если спонсор, имени которого он не называет, не перевел ему деньги, значит, уже и не переведет. Что ж, попробую почувствовать себя меценатом.

– А играть в театре будешь?

– Посмотрим.

Я включила таймер, чтобы не сжечь курицу, и отправилась в свой кабинет – просмотреть почту, прочесть еще раз письмо от чернокожего друга-мошенника, глубоко проникшего в мою семейную историю.

Письмо было написано довольно сносным русским языком. Нотариус по имени Франсуа Делорм (хорошо, что не Трюффо!!!) обращался ко мне «Многоуважаемая мадам Лариса Петрова!». Он сообщал мне, что господин Миша Петров (Misha Petroff), мой дядя и родной брат моего отца, известного танцовщика Евгения Петрова (Evgeny Petroff), назначил меня в своем завещании единственной наследницей. Он умер, если судить по датам, две недели тому назад в Париже. К счастью, суммы в миллионах франков или евро в письме не указывались. Франсуа Делорм просил меня связаться с ним и договориться о встрече. Номер телефона прилагался.

Это письмо болталось в папке со спамом, куда я его благополучно отправила почти неделю назад!

– Хочешь поехать со мной в Париж? – крикнула я из кабинета Марине, находясь в каком-то веселом кураже.

Она, к моему величайшему удивлению, тотчас возникла в дверях. Брови подняты, рыжие локоны растрепаны. За мгновение материализовалась в метре от меня!

– Наконец-то! Дошло! Это же твой дядя! – воскликнула она, выставя вперед развернутые ладони, мол, ты что, сразу не поняла?

Да нет, это я скорее не поняла, откуда ей вообще известно об этом письме! Я спросила ее об этом.

– Твой ноут стоял раскрытый, я случайно прочла. Но ты не подумай, нет, я и не забиралась бы в него, если бы мне не понадобилось кое-что посмотреть в Гугле. Мой телефон разрядился, а мне захотелось открыть сайт, где наш Денис выставляет на продажу свои картины...

Я потом проверяла историю своего ноута, Марина действительно интересовалась картинами художника Дениса. Что же касается письма от французского нотариуса, то и здесь, по видимому, она не обманывала меня – скорее всего, я оставила письмо открытым, и она могла его прочесть. И чему тут удивляться, если я оставила свою больную подругу одну на целую ночь? Ей было скучно, в голову лезли самые страшные догадки и подозрения относительно отравлений в театре, вот она и пыталась найти хоть что-то, что могло пролить свет на эти покушения и убийство Гали Горной. Я и сама поступила бы точно так же. К тому же в тот день, когда Марина появилась в дверях кабинета со словами про моего дядю, я в ее отношении была совершенно спокойна. Тогда еще она оставалась моей самой близкой подругой, и я ее ни в чем не подозревала.

– Думаешь, это настоящее письмо от реального нотариуса? Почему ко мне обращаются как к Ларисе Петровой? А если бы у Ванечки была другая фамилия... Это же просто совпадение невероятное, что моя девичья фамилия совпала с фамилией моего мужа.

– Позвони – и узнаешь.

– Но это не российский номер, я могу случайно позвонить мошеннику, он поймет, что я заинтересовалась его письмом, посмеется надо мной, а потом, как это водится, попросит у меня денег на дорогу. Или вообще у них там сработает какая-нибудь хитроумная схема развода на деньги. Что, если, узнав мой телефон, они снимут деньги с карты?

– Ну хочешь, я позвоню со своего телефона?

Этого я допустить не могла. Зачем Марине так подставляться? Я позвонила сама. Послышались длинные гудки – телефон был живой. Когда же я услышала мужской голос, то сначала растерялась.

– Это Лара Петрова, – наконец произнесла я, краснея от стыда за свою глупость и наивность.

Мужчина был пьян. Я почувствовала это по его голосу и заплетающемуся языку. И не удивилась бы, если бы прямо из телефона не послышался запах свежего алкоголя.

– Вот урод! – крикнула я в ответ на его опьяневшие от водки русские фразы. Я прямо увидела пьяного негра с бутылкой русской водки в руках.

– Можно я приеду?! – вдруг услышала я. – Простите, простите...

Я с чувством послала пьяного на три буквы и отключила телефон. Вот дура! Повелась на фальшивку!

Сработал таймер – пора было доставать из духовки курицу.

– Послушай, может, я зря напомнила тебе о твоём отце... – заговорила Марина уже за столом, с аппетитом поедая куриную ножку.

– Да нет, почему же... Знаешь, я уже взрослая девочка, и прежние детские обиды на отца, который бросил нас с мамой сто лет тому назад, уже почти забыла. Возможно, живи мы с мамой бедно, я бы ненавидела его. Но он же ухитрился передавать нам деньги через своих знакомых. Хотя письма не писал, маме не звонил. Думаю, он вообще считал свою связь с мамой ошибкой, за которую ему пришлось, так сказать, расплачиваться, причем в самом прямом денежном смысле.

– Почему связь? Разве они не были расписаны?

– Были. Мама рассказывала, как сразу же после ЗАГСа отец исчез, отправился на какую-то пьянку с друзьями, ее с собой не позвал. Она тогда уже была беременна мной. Так что сразу после свадьбы мама только и делала, что плакала. Она была очень несчастна. Думаю, что даже рождение дочери не сделало ее счастливее. Отец уехал, расторгнув с ней брак, правда, оставив ей квартиру.

– Ну вот! Все-таки квартиру оставил! Согласись, что не каждый мужчина при разводе поступает так. И что с ним случилось потом? Он сразу же устроился там? Где жил? Женился?

– Мы с мамой после уже узнали, что папу позвал во Францию его родной брат, Михаил, который когда-то давно служил матросом на судне, ну и сбежал, попросил политического убежища. Короче, когда мой отец приехал в Париж, его уже там ждали. Ему уже было там где жить и что есть. Вот почему ему было не так уж и трудно даже первое время. Кажется, сначала он выступал в каком-то ресторане, возможно, в том, где его брат работал поваром или официантом. Потом его заметил какой-то человек, ну, знаешь, как это бывает, думаю, из балетных. Позвал его в свою труппу, а позже отец ушел оттуда, пустился в свободное плавание, и помог ему в этом известный продюсер, импресарио, не знаю, как правильно его назвать. Словом, влиятельный человек. Насколько мне известно, отец купил квартиру, потом дом... Семью он так и не создал, для него самым главным было танцевать. А умер он, говорят, страшно – разбился где-то в горах на машине. Хотя в некоторых статьях мы читали, что он умер от рака.

– А завещание? Наследство?

– Вот об этом мне вообще ничего не известно. Но если бы что-то было, то к маме поступал бы уже настоящий нотариус, разыскал бы нас...

– Получается, что он, состоятельный человек, оставил вас с мамой ни с чем? А может, у него были и другие дети?

– Об этом мне тоже ничего не известно.

– А у тебя остались его фотографии?

– У мамы был альбом, куда она складывала все, что находила об отце, – какие-то вырезки из журналов и газет, его старые фотографии... Хочешь посмотреть?

– Да честно говоря, когда я только узнала, кем был твой отец, я сама нашла о нем довольно много чего в интернете, – призналась Марина. – Красивый молодой человек, знаменитый танцовщик, талантливый человек... Думаю, если бы не ваши сложные семейные отношения, ты могла бы гордиться им.

– Да я и так горжусь, – ответила я без энтузиазма. Конечно, обида где-то глубоко во мне еще жила.

– Ладно, я все поняла. Чайку?

Мы с Тряпкиной были потрясены, когда вечером на пороге моей квартиры появился человек, назвавшийся Франсуа Делормом. Даже как будто бы трезвый, он производил впечатление человека, находящегося в болезненном похмелье. И от него разило. Это потом он рас-

скажет, что в ожидании моего ответа на свое письмо он жил у одного своего знакомого, который каждый день знакомил его, как он сказал, с «волшебной» водкой. Выходило, что в том, что он пьянствовал почти неделю, виноват не сам Делорм, а его знакомый, но мне показалось, что он просто боялся встречи со мной. И что он вовсе и не нотариус, а лишь помощник такового, отправленный в Москву единственно потому, что только он в той нотариальной конторе более или менее знал русский язык. Ему и надо-то было просто доставить мне завещание. Такой вот застенчивый человек, слабый и безвольный.

Мы впустили мсье, предварительно изучив его паспорт. Бордового цвета, все, как полагается, просветила меня Марина, откуда-то знающая, как выглядит паспорт гражданина Французской Республики.

– Чаю? Кофе?

– Кофе! – взмолился он.

Худенький высокий парнишка в сером костюме и голубой сорочке не первой свежести. Видать, крепко знакомился он с российским алкоголем. Если бы не мой звонок, подумалось мне, неизвестно, чем бы вообще закончилась для помощника нотариуса эта деловая поездка в Москву.

– А может, хотите принять ванну? – спросила Марина, чем очень удивила меня. Она же с невозмутимым видом пожала плечами в ответ на мое выражение лица, мол, а что такого, видно же, что он давно не мылся.

В ответ на Маринкино предложение наш нотариус (мне так проще его называть) лишь восторженно подкатил глаза, что означало: о, да!

– Ну, ладно, пойдете! – Я проводила парня в ванную комнату, снабдив его всем необходимым, в том числе дала халат Игоря.

– Вроде и паспорт его, но где доказательство того, что он помощник нотариуса и что документ, который он собирается мне предъявить, настоящее завещание?

– Вот сейчас он выйдет, и мы попросим его показать удостоверение нотариуса. Хотя, как оно выглядит, я точно не знаю. Вот паспорт знаю, у меня знакомый был, француз, он жил какое-то время у нас, стажировался, учил язык. А я в свою очередь подтянула свой французский...

Франсуа в халате Игоря, розовощекий, с мокрыми волосами и красными воспаленными глазами выглядел совсем как мальчик. Нос его блестел так, словно он долго тер его мочалкой. Сначала он начал эмоционально благодарить нас по-французски за то, что мы предоставили ему возможность помыться в роскошной, как он выразился, ванне. Затем, не переодеваясь, бросился к своему саквоюжу, вынул из него толстую кожаную папку, раскрыл ее и вывалил на стол целую кипу фотографий и документов.

– А это что? – спросила я, разглядывая снимки, на которых был изображен некрасивый, с ввалившимися глазами изможденный мужчина в клетчатой рубашке. Он же – помоложе, в поварском колпаке со сковородкой, полной креветок, в руках. Он же – умытый, в костюме с маленькой девочкой на коленях. Везде на фотографиях одно и то же лицо, то помоложе, то постарше.

– Спроси не «что», а «кто», – посоветовала мне Марина. – Думаю, это как раз твой дядя Миша.

– Да-да, это Миша Петрофф. Ваш дядя. И вот его завещание.

С этими словами Франсуа открыл толстый документ, состоящий из двух пакетов – на русском и французском, – завещание.

Уж не знаю почему, но на меня все это действие не произвело ровно никакого впечатления. Не скажу, что я ожидала какого-то подвоха, нет. Просто меня больше порадовало бы, позвони мне (по телефону ли, в дверь) Лева. Чужой человек, мужчина, с которым я так неосторожно провела ночь. Его звонок мог бы означать только одно – что я ему хотя бы понравилась. Или что-то во мне. Неважно.

– А зачем вы привезли мне его фотографии? – насторожилась я. – И как вы докажете, что это он?

– У меня есть копии его паспорта. Но это и неважно. Ваш дядя, который являлся родным братом вашего знаменитого отца, Евгения Петроффа, артиста балета, был небогатым человеком и оставил после себя небольшую квартиру в центре Парижа, хотя и в престижном районе – в Латинском квартале на улице Муфтар. Это Пятый округ Парижа.

– Да? И сколько же она может стоить? – живо поинтересовалась Марина.

– Поскольку это совсем маленькая квартира, всего 31 квадратный метр вместе с крохотной кухней и туалетом с душем, однако она в центре, поэтому, полагаю, от 500 000 евро до миллиона. Точнее сказать не могу.

Услышав такую сумму, я подумала, что, если бы я захотела купить себе квартиру во Франции, то вряд ли купила в самом центре рухлядь размером в 31 метр. Скорее всего, приобрела бы что-то где-нибудь на побережье или же просто сняла на год-два там, где красиво, да пусть даже в Латинском квартале. С другой стороны, если мне эта квартирка упала с неба, то почему бы и не воспользоваться этим?

– А что, у этого дяди нет больше никого, кому бы он мог завещать свою квартиру?

Уж этого вопроса от Марины я никак не ожидала.

– В том-то и дело, что есть. Но Миша Петрофф работал простым официантом, это прежде он был поваром... Его жена Клер с дочерью Марией ушла от него к другому. Там уже другая семья. Я не встречался с родственниками, нам мало что о них известно. Но знаю точно, что у вашего завещателя было много долгов. Возможно, поэтому он оставил завещание не на бывшую жену и дочь, а на вас.

– Хотите сказать, что размер его долгов превышает стоимость квартиры?

– Надеюсь, что нет. Нам известно только о его кредите в десять тысяч евро... Но есть сведения, что он задолжал людям крупные суммы.

– Интересно, и на что же он тратил эти деньги?

– Точно не могу сказать.

– Какая-то мутная история, – покачала головой Марина.

Вот тут я была с ней абсолютно согласна. Мутная история, мутный дядя, мутное наследство.

– Я должна вам какие-то деньги? – решила я задать весьма важный, на мой взгляд, вопрос. Если я сейчас услышу, что должна, значит, это точно развод. И этот сюжет с долгами выдуман просто для придания правдоподобности всей этой истории.

– Нет-нет, вы ничего никому не должны.

– Думаю, тебе надо отказаться от наследства... – сказала Марина. – Или же поехать и все самой выяснить.

– Да, я тоже полагаю, что это разумно, – сказал наш молодой нотариус. – Повторяю, что квартира хоть и маленькая, но находится в Пятом округе.

– Да вы уже говорили, – отмахнулась от него Марина.

– Хорошо, я подумаю. Я должна где-то расписаться?

– Да, вот здесь... – Он разложил передо мной документы. – Распишитесь, что вы уведомлены о том, что являетесь наследницей и получили завещание.

Прежде чем поставить свою подпись, я дала Марине документы для ознакомления.

– Подписывай! – махнула она рукой. – Все в порядке.

Мы накормили Франсуа ужином, он в нашем присутствии заказал билет на вечерний рейс до Парижа и через два часа на такси отбыл напрямиком в аэропорт.

– Что это было, Марина? – спросила я ее, разложив фотографии своего родственника на столе и разглядывая их. – Почему он оставил квартиру мне? Ведь у него есть дочь!

– Ему было шестьдесят четыре года, он умер от инфаркта. Его дочери может быть лет сорок! Возможно, между ними был конфликт. Да мало ли что случается в семье? Видишь, жена бросила его, официанта. Может, нашла кого побогаче и перспективнее.

– Но если дочери сорок, то и у нее тоже могут быть дети, то есть внуки Михаила. Я имею в виду – наследники! Почему я?

– Вопрос! И что ты собираешься делать?

Я пожала плечами.

– Не знаю.

– Давай билеты заказывай! А я полечу с тобой! В качестве переводчика!

5

Она такая быстрая, эта Марина. Уже в Париж со мной собралась. Действительно, почему бы не прокатиться перед Рождеством в Париж? Не знаю, почему я тогда на нее разозлилась. Вернее, знала, конечно. Она продолжала жить со мной в квартире так, словно у нее не было своей. А мне тогда так хотелось побыть одной! Мне почему-то казалось, что, едва я останусь одна, Лева мне позвонит.

Его молчание лишало меня последней уверенности в себе, как в женщине. Я раскисала прямо на глазах. Получается, что Марина была права, когда упрекнула меня в легкомыслии? Ну, действительно, как так со мной могло случиться, что я переспала вчера с первым встречным? Вот что он теперь думает обо мне? Да, это действительно не было похоже на меня. Я бы даже предположила, что мне все это приснилось, если бы не моя больная нога. Стыдно сказать, но я готова была даже отправиться в тот же травмпункт, чтобы только оказаться в тех декорациях, где меня охватила страсть.

– Слушай, а тебя в театре не ищут? – краснея, спросила я подружку. – Разве у тебя нет спектаклей, репетиций?

– А я позвонила и сказала, что приболела. Там есть кому меня заменить, – нервно хихикнула Марина. – Тебе так не терпится от меня избавиться?

Мне стало стыдно. В самом деле, чего это я? Все-таки правду говорят, что у всех людей, охваченных страстью, сносит крышу. Мозги перестают работать. Включается первая сигнальная система, вернее, последняя и самая стыдная. У подружки температура, она кашляет и чихает, может, ей просто боязно одной находиться в таком состоянии дома, и она хочет поболеть рядом с близким человеком, а я веду себя как самая настоящая свинья!

– Ты прости меня, дело не в тебе... Я нервничаю.

– Из-за завещания? Оно уже у тебя. И только тебе решать, отправляться в Париж, чтобы получить ключи от квартиры, или нет. Все в твоих руках. Хотя тебе, по большому счету, вообще волноваться незачем. Ты можешь сама купить себе квартиру...

Да, иногда у Марины срывалось с языка нечто, похожее на зависть. Но я понимала ее. Кто я такая и чем лучше ее? Чем я заслужила сначала наследство Ванечки, а теперь вот еще и моего дяди? Просто завалили наследственной массой!

– Вообще-то, я переживаю не из-за наследства. – Меня вдруг прорвало на откровенность. – Лева не звонит.

– Думаешь, я не поняла? Да тебя просто штормит от всего этого. А ты не думай о нем, и он сразу же позвонит. Так всегда бывает.

Она была в эту минуту такая милая!

– Ну а если совсем кисло, то можем напиться!

– Нет-нет, не хочу...

– Ну и ладно. А я, пожалуй, напьюсь. Ой, ну и уморительная у тебя физиономия! И ты поверила? Да я про молоко!

Она открыла холодильник – молока не было. Получается, что она выпила два литра! Что ж, на здоровье!

– Хорошо, я сейчас схожу, – сказала я, сдерживая улыбку. Как хорошо, что люди не научились еще читать мысли друг друга. Иначе Марина поняла бы, почему я смеюсь. Подумала, что вот отправлюсь сейчас в магазин за молоком, поскользнусь и снова угожу под колеса Левиной машины! Ну не дура ли я?

– Так, стоп! Никуда ты не пойдешь. Я вот просто уверена, что стоит тебе только выйти из дома, как притащится твой Лева. Как тебе такой сценарий?!

– Прежде чем притащится, как ты выразилась, думаю, он все же позвонит.

– Тем более надо оставаться дома. Вот представь, он позвонит, когда ты будешь уже у кассы расплачиваться... Согласись, неудобно. А так, он позвонит, ты возьмешь трубку, и вы спокойно поворкуете.

И не дожидаясь ответа, моя Тряпкина бросилась в прихожую. Последнее, что я услышала: «Я надену твою дубленку?»

Я и на этот раз улыбнулась. Конечно, зачем трепать свою новенькую шубку, которая бережно помещена в шкаф, когда проще схватить с вешалки и набросить мою короткую старенькую дубленку, чтобы добежать в ней до супермаркета.

Когда за Мариной захлопнулась дверь, я взяла телефон, положила его на стол и стала гипнотизировать. Ну позвони! Позвони!

Я старалась не вспоминать подробности своих ночных безумств. Даже с Ванечкой ничего подобного не было. В браке все как-то спокойнее, традиционнее, что ли. А вот так, с чужим мужчиной...

Уф! Все, хватит воспоминаний. Вообще лучше все забыть. Словно ничего и не было. А что, если у него болезнь какая-нибудь? И хотя Лева в моем представлении никак не вязался со специфическими болезнями, мне стало не по себе. Не звонил же! Значит, не хотел ни слышать меня, ни видеть. Просто утолил свою страсть, и на этом все.

Когда же телефон взорвался громким и шумным маршем Верди из оперы «Аида», я чуть со стула не упала от неожиданности. Ждала ведь, а все равно вышло как-то неожиданно. Номер был незнакомый. Что ж, это и понятно. У делового человека могло быть несколько телефонов, уж два – точно.

– Да, слушаю... – Я замерла. Сердце колотилось, руки затряслись. И чего это я так взволновалась?

– Привет, зайка, – услышала я, и тело мое моментально обмякло, словно из него вынули сразу все кости.

– Игорь, ты зачем мне звонишь? Чего тебе надо? – разозлилась я.

– Только, пожалуйста, не бросай трубку! – затараторил он. – Не злись. Я звоню, чтобы спросить, как ты? У тебя все в порядке?

– Денег не дам! И больше мне не звони!

– Мне за такси заплатить нечем! Я стою здесь, возле твоего подъезда!

– Стой, сколько хочешь. Денег не дам. Кажется, ты пустился в свободное плавание, вот и плыви куда хочешь!

– Мне таксист лицо попортит, если я не заплачу...

– Хоть сто порций!

Мысль, что мой бывший стоит возле подъезда, рядом с которым как раз сейчас паркуется джип Левы, заставила меня все же выйти из дома, чтобы заплатить за такси.

– Ладно, сейчас спущусь...

Поскольку дубленки не было, я накинула на плечи теплую шаль, вышла из дома и вызвала лифт. Вышла на крыльцо и не увидела никакого такси. Зато на ступенях стоял, притоптывая ногами от холода, Игорь. Обманул.

– Я заплатил за такси. Но это были мои последние деньги. Пожалуйста, одолжи меня пару тысяч. У меня проблемы.

– Сначала ты вызовешь такси, только потом я дам тебе денег, – сказала я, оглядываясь. Если бы не мой резкий тон и не дурное настроение, я могла бы по доброте душевной и впустить его к себе домой и даже накормить. И он это отлично знал. Поэтому и заявился. Но сейчас я ждала Леву. И Лева не должен был увидеть Игоря.

– Ладно, зайка, как скажешь.

– Да какая я тебе зайка?! И с каких пор ты называешь меня так? Сбрендил, что ли, совсем? – заорала я на него.

Он вызвал такси, и пока мы ждали его, оба молчали. Хотя я могла сказать ему многое. Бросить в лицо все то, что наболело. Обозвать его, оскорбить, объяснить ему, кто он такой и чем закончит свою никчемную жизнь. Но делать этого не стала по простой причине – в самый разгар скандала мог бы появиться джип...

– На, вот тебе деньги и больше не приходи. Все кончено. Прошу тебя. Иначе вызову полицию. Я хочу покоя, понял?

– А ты ничего так выглядишь... – усмехнулся он. Я смотрела на его красивое лицо и думала о том, что под забором он все-таки не окажется. – Я думал, что ты будешь страдать, а ты... Вон и прическу сделала, и губы подкрасила. Ты теперь так дома ходишь? Или уже нашла мне замену?

Мне хотелось его ударить, даже замахнулась, но он успел отбежать. Какой же мерзавец!

– Да я вообще сначала думал, что это ты там валяешься в снегу... – Захохотал он, помахивая купюрами. – Ну, типа напилась... Я даже подошел, посмотрел, но лица не видно, а фигура не твоя. Хотя дубленка прямо как у тебя.

Я повернула голову туда, куда смотрел он, и увидела на детской площадке, буквально в нескольких шагах от меня в кустах какое-то темное пятно. Там, в снегу, лежал человек. Уличный фонарь освещал лишь часть рукава моей дубленки. Я кинулась туда и увидела распростертую на земле под кустом Марину! Что она там делала? Вернее, как оказалась? Рядом валялся пакет, из которого виднелось горлышко молочной бутылки.

– Игорь, звони в «Скорую»!

Мой голос утонул в шуме подъезжающей машины – приехало такси. Я увидела, как Игорь сел и уехал.

Думала ли я в этот момент про Леву? Конечно нет! Должно быть, следуя формуле Тряпкиной, именно поэтому он мне и позвонил.

– Весь день думаю о тебе. Можно я заеду за тобой? Поужинаем где-нибудь?

Я разревелась, сказала, что у меня проблема и что мне нужна его помощь...

...На этот раз мы были уже не в травмпункте, а в больнице, в приемном отделении. Марину, которую кто-то пырнул ножом, увезли на каталке. Я сидела, обняв прорванную ножом и выпачканную в крови дубленку, и, шмыгая носом, отвечала на вопросы полицейского. Но что я могла ему рассказать?

Самое интересное, что нож, которым чуть не убили мою подругу, нашли неподалеку от того места, где лежала сама Марина. Страшный такой охотничий нож, выглядел он как новый. Только в крови. Видимо, тот, кто пырнул ее, купил этот нож специально. Может, маньяк какой подкарауливал свою жертву, а может, охотился специально на Марину. Знал ведь, что она живет у меня, следил, получается.

– Ты что, серьезно так думаешь? – спросил меня Лева уже в машине, когда мы после всех формальностей были отпущены полицейским.

– А что, есть еще какая-то версия? – спросила я. – Ну скажи, разве станет нормальный человек нападать на женщину прямо возле многоквартирного дома, почти у всех на глазах?!

– Так ведь темно... Это во-первых. А во-вторых, почему ты не рассказала полицейскому, что твоя подруга была в твоей дубленке?

– А ты думаешь, что бандит не видел лица той, на кого он напал? При чем здесь дубленка?

– Да при том! – Лева сгреб меня в объятия и поцеловал в лоб, как ребенка. – Ты погибнуть могла! Понимаешь ты это или нет?!

– Да кому я нужна? Зачем? За что?

– Вот об этом ты и должна была поговорить с полицейским. Но, думаю, у тебя еще будет возможность озвучить все это, когда тебя вызовет следователь.

– Ты хочешь сказать, что будет проведено расследование? Все, как в кино?

– Все, как в реальной жизни, Лариса!

Он так крепко меня к себе прижал, и мне было так хорошо и как-то надежно в его руках, что я просто сомлела и чуть не задала ему идиотский вопрос: почему ты не звонил мне весь день? Но все-таки хватило ума не спрашивать. Не звонил, значит, не мог. Надо все-таки сдерживать свои чувства и не показывать ему, что я весь день хотела только одного – услышать или увидеть его.

– Как твоя нога, Лара?

– Спасибо, хорошо.

Я попросилась в машину к Лева, чтобы просто прийти в себя. Но немного успокоившись, захотела обратно в больницу, к Марине.

Хирург сказал, что рана не опасная, что нож, прорезав кожу, попал в ребро.

– Кто мог напасть на твою подругу?

– Наверное, тот, кто думал, что она – это я.

Пришлось рассказать ему об отравлениях в театре. О смерти Гали Горной.

– Разве я могла тогда подумать, что отравить пытались меня?

– Ты можешь предположить, кто это мог быть? Кому ты так крепко насолила? Или же дело касается денег, наследства?

Да, я понимаю, не надо быть семи пядей во лбу, чтобы предположить и такой вариант. Наследство. Эта тема возникла всего-то несколько часов назад. Но тот, кто начал охоту на меня, мог узнать об этом гораздо раньше, еще до того, как кто-то пытался спойть Франсуа. И человек этот – как раз тот, кому выгодна моя смерть. Тот, кто, устранив меня как препятствие, станет законным наследником моего дяди Миши. Или же тот, кому после моей смерти достанется все мое состояние. Но кто? Моя мама, которая благополучно живет себе в Италии со своим новым мужем? Братьев и сестер у меня нет. Если меня не станет, то все по праву перейдет моей матери. Ее муж? Он немолод, богат, к тому же оставил своим детям немало. Нет, ветер дует не с той, не с итальянской стороны. Значит, из Парижа?

Франсуа говорил о дочери моего дяди, получается, моей двоюродной сестре. Что, если это она, узнав о завещании, отправила в Москву человека с ножом, чтобы избавиться от меня?

И хотя по логике вещей это можно было как-то объяснить, но верилось в это с трудом. Двоюродная сестра. Она что, совсем, что ли, берега попутала? Или бандитка? А что, у отца-официанта, возможно, игрока (раз столько денег всем должен), вполне могла родиться дочка-разбойница. И в то же самое время, будь он ученый, профессор или даже академик, где гарантия, что рожденный от него ребенок будет таким же умным? Бред.

– Лева, я ничего не знаю, кроме того, что Марина, когда на нее напали, была в моей дублинке. Все произошло вечером на улице зимой, в это время темно. Поэтому лица не разглядели.

И тут я подумала вот о чем: если предположить, что на меня напали с «французской» стороны, то откуда преступнику было знать, что это именно моя дублинка? Разве что он бывал у меня дома, знал, в чем я хожу... Что знал? Знал, что я бегаю в магазин в старой дублинке? И кто у меня бывал, кроме моих друзей-театралов, Игоря? Да никто!

Может, Игорь подослал ко мне кого-то? Полнейший бред.

– Послушай, дублинка обыкновенная, не запоминающаяся, тысячи девушек носят такие, – сказал Лева. – И преступник мог перепутать твою подругу с кем угодно.

– Ты знаешь, эта версия мне больше всего нравится. И я бы поверила именно в нее, если бы не отравления. Ведь тогда, в примерке, это я устроила вечеринку, принесла коньяк и прочее. И у нашего художника на дне рождения я тоже была. Быть может, хотели отравить меня, а напиток с ядом выпила бедная Танечка?

Как же некстати все это случилось! Ведь я только что познакомилась с интересным мужчиной, а тут такое!

– Лева, мне так неудобно, что тебе приходится все это выслушивать. Как видишь, со мной одни проблемы. То ногу растянула, то теперь вот меня чуть не прирезали...

Мы сидели в больничном коридоре, дожидаясь, когда нам позволят войти в палату к Марине. Рану ей зашивали под местным наркозом, поэтому у нас был шанс увидеть ее. Лева, тактичный и все понимающий, остался в коридоре, словно чувствуя, что нам с подругой нужно посекретничать.

– Марина! – Я бросилась к кровати, на которой возлежала моя раненая подруга, схватила ее за руку и поцеловала ее. – Ты прости меня! Ведь это на меня охотились, я уже поняла это. И все из-за наследства... думаю.

Марина слабо улыбнулась. Она лежала бледная, напуганная.

– Хорошо, что жива осталась, – сказала она, едва разлепив губы.

– Ты не видела нападавшего? – спросила я.

– Ну вот, и ты, как следователь. Конечно нет! Кто-то напал на меня сзади, повалил в снег и поволок в кусты. А потом я почувствовала сильную боль... Вот и все. Больше ничего не помню.

– Полагаю, мне теперь нужно отказаться от наследства – умирать как-то не хочется. Позвонить Франсуа, благо телефон его у меня есть, и сказать ему, что я отказываюсь от этой квартиры... Да к тому же там долги! – Я словно уговаривала себя.

– Даже и не думай! – замотала головой Марина. – Наоборот, нам с тобой надо поехать туда и во всем разобраться. Напишешь заявление еще здесь, в Москве, что в нападении подозреваешь гражданку Франции... Узнай у Франсуа имя своей двоюродной сестры. Объясни, что она тоже могла быть наследницей...

Вот так. Оказывается, моя Маринка, вместо того чтобы думать о себе, о своем здоровье и благодарить судьбу за то, что осталась жива, размышляла о завещании.

– Сколько дней тебя еще здесь продержат?

– Может, дня три.

– Хорошо. Потом я возьму тебя к себе, ты полежишь у меня, пока рана не затянется, и тогда мы полетим в Париж. Если ты, конечно, не передумаешь.

– Я? Передумаю? Да с чего это?

– Как – с чего? Если на меня покушались уже трижды, то могут повторить это где угодно, в аэропорту ли, в самолете... А ты-то будешь рядом! Может, мне вообще отправиться туда одной?

Но произнося это, я понимала, что лукавлю, поскольку просто не представляю себя в Париже без переводчика. Ведь я английский-то знаю постольку-поскольку. А мне хотелось бы встретиться с бывшей женой дяди, с его дочерью (возможно, убийцей). Обсудить все вопросы, договориться. И если понадобится, то и отказаться от квартиры. Может, его дочь нуждается, а дядюшка, вместо того чтобы позаботиться о родной кровиночке хотя бы после своей смерти, словно нарочно, чтобы сделать ей еще хуже и больнее, придумал это завещание в мою пользу?! Интересно, что же такого она сделала, если он так поступил?

– Лара, если ты хочешь по-настоящему позаботиться обо мне, то заberi меня отсюда прямо сейчас, – вдруг сказала Марина.

– Это еще зачем?

– Объясняю. Вот ты сейчас приехала сюда одна?

– Нет, слевой.

– Но он не сможет сопровождать тебя каждый раз, когда ты решишь меня проведать. Ты только представь себе, что человек, которого наняли убить тебя, выследит тебя здесь и нападет... Нет-нет, до отъезда в Париж нам надо находиться в безопасности, то есть дома. Продукты нам может покупать твой друг, но это всего-то пару дней, пока мы не соберемся. А потом он

отвезет нас в аэропорт. И все! Нам надо действовать! Я не хочу, чтобы прирезали еще и тебя! Пожалуйста, забери меня прямо сейчас, пока твой приятель здесь!

– Марина, но как же твоя рана?

– Она не глубокая! Мы попросим медсестру показать тебе, как делать перевязку, купим перевязочный материал, все необходимое, и полетим!

– А если случится заражение крови? Марина, так нельзя! Это опасно!

– Уверена, если мы обратимся за помощью к Франсуа, он поможет нам найти доктора. Были бы деньги!

Она была права. С деньгами доктора можно найти хоть в Африке! Была она права и в том, что на меня действительно могут напасть в любой момент.

– Хорошо, я поговорю с врачом. Но тебе, моя дорогая, придется подписать бумагу, что ты отказываешься от лечения...

– Заплати врачу, и он быстро меня отпустит.

Она знала, что деньгами я решала и не такие проблемы. Деньги – это вообще метод решения практически всех проблем! Деньги! Я вспомнила о Сазыкине и его просьбе. Если мы с Тряпкиной сейчас закружимся и улетим, театр останется без денег, спектакль не будет поставлен, актеры не получают зарплату. Конечно, не будь я такой богатой, вряд ли эта тема меня волновала бы. Но я, на голову которой свалились не просто деньги, а огромные деньги Ванечки, которые продолжали работать на меня даже тогда, когда я бездельничала, спала или, грубо говоря, смотрела телевизор, не могла не поделиться ими с хорошими и близкими мне людьми, служащими в театре. Я и без того задумывалась о том, что бы мне такого сделать (помимо созданного мною фонда для детей, больных онкологией), чтобы мои деньги принесли пользу еще кому-нибудь. И тут этот визит главрежа.

– Хорошо, Марина, я сейчас пойду и поговорю с твоим врачом, а потом мы поедем домой. Но перед этим я хотела бы заехать к Сазыкиным, поговорить с Володей. Он не звонит, потому что сам ждет моего звонка. Волнуется. Он только и думает сейчас об этом. Я понимаю его состояние.

– Ладно. Хорошо. Подожду тебя в машине.

– Нет-нет, в машине я тебя не оставляю. Поднимешься с нами.

– Ты возьмешь с собой твоего приятеля? Как его зовут? Лева?

– Да, возьму, а что? Сама же говоришь, что с ним как-то спокойнее, безопаснее...

С врачом договориться не получилось. То есть деньги от меня он не принял. Покрутил пальцем у виска и сказал, что мы сошли с ума. Что Марину нужно оставить в больнице, что рана может открыться, закровоточить, воспалиться.

Я снова вернулась к Марине – она уже не лежала, а сидела, хоть и укутанная в одеяло, поскольку одежду нам еще не принесли. Это потом нам скажут, что одежду забрали с собой полицейские или опера – на экспертизу. Марина так возмущалась, так яростно жестикулировала при этом, так активно двигалась, что я стала волноваться за ее рану, как бы она не открылась.

– Покажи, что у тебя там.

Она откинула одеяло, и я увидела плотную, к счастью, без единой капли крови, марлевую повязку чуть пониже левой груди.

– Может, не поедем к Сазыкиным, а сразу домой? Вызовем по телефону медсестру на всякий случай, пусть поживет с нами до отъезда, понаблюдает, а? Она побудет с тобой, а я все-таки навещу Сазыкина.

– Брось. Поехали вместе. Не думаю, что ваш разговор затянется. Когда ты скажешь ему, что готова перевести деньги, он разве что заплачет от счастья, но и это продлится не так уж и долго.

Медсестра по нашей просьбе достала где-то мужскую пижаму и халат, мы одели Марину, и все вместе, втроем, слевой, сели в машину и поехали к нашему главрежу.

Москва была такой красивой в этот вечер, снег мягкими хлопьями падал на белые тротуары, искрился в свете фонарей и сверкающих витрин. Я, глядя на эту красоту, на какое-то время забылась и не думала о том, что меня хотят убить. Как-то все это выглядело ненатурально, несерьезно, и это притом, что рядом со мной на сиденье сидела успевшая пропитаться больничными запахами подруга с раной под грудью. Что-то мешало мне воспринимать это как трагедию. Быть может, такая вот невидимая психологическая защита образовалась из-за присутствия рядом Льва?

Он, кстати говоря, поначалу вел себя тихо и ни во что не вступал. Но когда узнал, что мы возьмем раненую Марину не домой, а куда-то еще, возмутился уже более эмоционально. И даже ударил ладонями по рулю.

– Девушки, это не мое, конечно, дело, но, во-первых, вам, Марина, надо было хотя бы несколько дней полежать в больнице! Если уж вам так там не понравилось и вас тошнит от всей этой угнетающей атмосферы, то надо ехать домой, вызвать врача, я не знаю, частного или медсестру... Какие-то вы странные. Причем обе. А ты, Лариса, разве не понимаешь, что ей нужно лежать?!

Мне понравилось, как он себя ведет. Как отец или муж. Как человек равнодушный, серьезный, ответственный. Да, конечно, он был прав! Но откуда ему было знать, что у нас не так уж много времени! И что мы вообще запланировали купить билеты в Париж на послезавтра! Об этом я намеревалась рассказать ему, когда мы с ним останемся вдвоем. Хотя после всего, что произошло со всеми нами за последние несколько часов, я уже и не знала, захочет Лев вообще поддерживать со мной отношения или сбежит.

Когда я представляла себе, как Лева прощается со мной, проводив до порога моей квартиры, мне становилось не по себе. Да, мы знакомы с ним всего-то сутки, и мы друг другу пока никто. Вернее, мой-то статус ясен, я – легкомысленная женщина. Причем некрасивая. А вот слевой все в порядке, он просто мужчина, и этим все сказано. И пришел он ко мне вечером наверняка в надежде провести со мной еще одну ночь. А почему бы нет? Но теперь, когда он понял, что мы с Мариной – девушки опасные и с нами постоянно что-то происходит, он наверняка исчезнет из моей жизни.

Я смотрела из окна его автомобиля на снег и проплывающие мимо фонари, любовалась бриллиантовым блеском снежинок на стекле, и мне отчего-то хотелось плакать.

– Это здесь?

Я очнулась. Мы приехали к дому, в котором проживал Сазыкин со своей женой Соней.

– Окна на восьмом горят, значит, они дома, – сказала, высунув голову в раскрытое окно, Марина.

Мы, не сговариваясь, решили не звонить перед визитом, пусть это будет приятным сюрпризом.

– Мне вас здесь подождать или это надолго? – спросил Лев.

Я почувствовала в его голосе, поведении намек на то, что он готов прямо сейчас развернуться и уехать, оставив нас здесь.

Когда Марина, придерживаясь за свой бок, выползла из машины и отошла на несколько шагов, Лев сказал мне на ухо:

– Не знаю, что вообще происходит и куда мы приехали, но сегодня я ночую у тебя, поняла?

Вот это было настоящее счастье! Я смотрела на снежинки, падающие ему на волосы, на его глаза, смотрящие строго и озабоченно, на аккуратно подстриженные виски, и мне больше всего хотелось, чтобы Лева меня поцеловал.

– Да, поняла. – Я нашла его руку и крепко сжала. – Потом все объясню.

6

День этот, впрочем, как и предыдущий, был наполнен драматическими событиями. Мы все, включая Леву, были возбуждены и напуганы. И хотя он, мужчина, старался не подавать виду, что взволнован, но я чувствовала, как он переживает за меня. И именно поэтому, не забывая, что убить пытались Марину, которая в моей злосчастной дубленке могла быть похожа на меня, он решил сопровождать нас весь вечер.

Вот почему к Сазыкиным мы отправились все вместе.

– Это наш главный режиссер, мне нужно с ним просто переговорить, и все. Но разговор важный. Очень.

Леве этого было недостаточно. Хотя мы с ним были знакомы всего лишь сутки, он имел право на ревность. Однако я была пока не готова рассказать ему истинную причину своего визита к главрежу. Ни к чему ему знать, что я вот так легко, пусть даже и в пользу искусства, могу расстаться с восемью миллионами рублей. Конечно, если у нас с ним все сложится благополучно, он и без того узнает, что я не бедная. Но пока еще рано. Вот почему разговаривать с Володей Сазыкиным я собиралась одна, с глазу на глаз, в его кабинете.

– Вам не кажется, господа, – хихикала за моей спиной Марина, – что наша троица представляет собой уморительное зрелище! Я, раненная в бок, ты, Лара, идешь, хромаешь. И с нами случайно оказавшийся рядом, практически посторонний человек...

Я повернула голову, возмущаясь тем бредом, что она несла. Зачем она так сказала? Хотела поставить Леву в неловкое положение, озвучив его статус так, как она его понимала?

К счастью, Лева сделал вид, что ничего не заметил, больше того, даже поддержал Тряпкину.

– И не говорите, Марина! Вот жил себе спокойно, пока одна прекрасная сумасшедшая не бросилась мне под колеса! Да, Ларочка?

И тут он на глазах растерявшейся и успевшей разозлиться Марины (уж я-то знаю этот ее убийственный взгляд!) обнял меня и поцеловал. Это произошло неожиданно и как бы не вовремя, я удивилась. Но как приятно было! Я вообще не поняла, почему Марина так реагировала на Леву. Быть может, ей казалось, что он мешает нам с ней спокойно и без оглядки реализовать свой план, связанный с наследством, с предстоящей поездкой в Париж? Что ж, тогда ее беспокойство можно было оправдать. И хотя мы с ней о Леве еще не успели поговорить и четкого изложения своих сомнений с ее стороны еще не прозвучало, мне показалось, что я поняла ее. «Ну зачем он тебе сейчас, когда мы летим в Париж?!» Вот как я расшифровала ее тяжелый и полный укора взгляд тем вечером.

Мы поднялись, позвонили, дверь открыла Соня. Она была в курточке лимонного цвета и стояла в одном ботинке, держа в руке второй – то ли собиралась куда-то, то ли, наоборот, только что откуда-то вернулась. Она, такая пышечка, словно нарочно, чтобы подчеркнуть свою полноту, носила пушистые розовые и голубые свитера, широкие джинсы. Мне показалось тогда или моя Тряпкина уже успела облить ее презрительным взглядом?

– Соня, кто там?

– Володя, это Лара пришла! – радостно воскликнула Соня, отвечая мужу.

Сазыкин появился в прихожей в кухонном фартуке – женском, в красных маках – и, смущаясь, сказал, что зашивает брюшко гусю. Пальцы его, оранжевые от гусяной крови, жирно блестели.

– Проходите, что же вы стоите?! Соня, думаю, ты успеешь все-таки добежать до магазина... – И обращаясь к нам с Мариной: – Чай закончился, все банки пустые... – Напоследок жене: – И яблок купи, Сонечка, пожалуйста!

Все знали, как Сазыкин любит яблоки. Яблочная душа. Постоянно, что бы ни делал, грыз яблоки.

– Я мигом! – улыбнулась Соня. – А вы раздевайтесь, проходите!

Соня убежала, а Володя помог нам всем раздеться, познакомился с моим приятелем.

– Владимир.

– Лев.

Мужчины пожали друг другу руки. Оставив Марину с Львом в гостиной, я решила помочь Володе на кухне.

– Ты прямо как хирург! – сказала я, повязывая вокруг талии фартук и отбирая у главрежа гигантских размеров портновскую иглу с суровой толстой ниткой, чтобы закрепить шов на брюшке птицы. – Отличная работа. Гостей поджидаете?

– Нет, Лара. Это у меня от нервов. Жор напал. Все подряд ем. А Соня смеется надо мной и кормит меня на убой.

– Да ты не нервничай. Я к тебе с хорошими новостями. Завтра же переведу тебе деньги, куда скажешь. Ты мне номер счета скинь на почту. Я завтра пойду в банк и сама все сделаю. Сумма-то крупная. Возможно, придется оформлять какие-то документы. Может, завтра деньги и не придут, но уж подождешь пару дней, если банковским переводом сделаю. В любом случае доход у меня легальный, так что с этим проблем не должно быть.

– Лара! Господи, ты просто спасаешь меня! – И Сазыкин, чуть ли не плача, бросился меня обнимать.

И надо же было как раз в этот момент на кухню заглянуть Льву.

– Ох, извините... Я просто хотел попросить воды.

Злился ли он на меня? Принял ли дружеское объятие за измену? Не знаю. Но выглядел спокойным. Может, и правда зашел на кухню выпить воды, а может, решил проверить, чем мы с Володей на кухне занимаемся.

– Ох, ты прости меня, Лева, забыла тебя представить как следует. Владимир Сазыкин – главный режиссер театра «Лероле». Надо признаться, я тоже там когда-то служила, но потом вышла замуж...

– Очень приятно, – улыбнулся мой приятель, второй раз за вечер пожимая руку главрежу. – Рад знакомству. Друзей в вашей среде у меня нет, поэтому мне особенно приятно. Я люблю театр. Ну, ладно, я пойду?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.